

**«КИЕВСКАЯ РУСЬ» В АКАДЕМИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
И КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹**

Александр Филюшкин
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается эволюция концепция Киевской Руси в историографии на постсоветском пространстве. После распада СССР началось интенсивное развитие национальных историографий. Традиционные взгляды на Древнюю Русь были подвергнуты критике. Сегодня в академическом дискурсе назрел серьезный пересмотр места роли древнерусского периода в истории Восточной Европы. Национальные же исторические нарративы сегодня сильно зависят от презентизма и носят скорей конфронтационный характер. Наука сегодня пока не предложила новых фундаментальных концепций, которые получили бы признание и в научном мире, и в обществе, и получили бы отражение в образовательной и культурной практике.

Ключевые слова: Древняя Русь, историография, исторические дискурсы, культурная практика

Все древнерусские летописи начинались с «Повести временных лет», которая рассказывала, «откуда есть пошла Русская Земля, кто в Киеве начал первым княжить, и откуда Русская Земля стала есть». Истоки Древнерусского государства выводились от первых киевских князей, от Олега, объединившего Север и Юг Руси. Династия Рюриковичей, трансформировавшаяся в XIV-XVI вв. в московскую династию Калитичей, развивала эту концепцию, объединив в московских летописных сводах домонгольскую историю киевских князей с историей Великого княжества Московского. В XVIII-XIX вв. российские историки, начиная с Н. М. Карамзина, выстроили трехчастную схему российской истории: Древняя (Киевская) Русь – средневековая (Московская) Русь – петербургский период [1, с. 93-105; 9, с. 219-234]. В первой половине XX в. в связи с развитием национальных историографий Украины и Белоруссии были сделаны попытки эту схему разорвать. В частности, М. С. Грушевский обосновывал преемственность Киевской Руси и Украины, а Московию-Россию выносил из

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10080).

этой схемы [5, с. 90-97]. Он писал в 1903 г.: «История великорусская (такой становится эта «русская история» с XII-XIII вв.) с украинско-русьским (киевским) началом, пришитым к ней, это только искаленная, неестественная комбинация, а не какая-то «общерусская» история. В конце концов, «общерусской» истории и не может быть, как и нет «общерусской» народности. Может быть история всех «русских народностей», кому охота их так называть, или же история восточного славянства. Она и должна занять место нынешней «русской истории» [2, с. 165-166]. В то же время, в советской историографии, напротив, закреплялась идея древнерусского единства (воплотившегося в концепции «древнерусской народности» В. В. Мавродина), обосновывавшая «братство» и общность исторической судьбы русских, украинцев и белорусов [6, 7].

После распада СССР на постсоветском пространстве началось интенсивное развитие национальных историографий, и идея «древнерусского единства» стала испытывать серьезные историографические атаки. Сначала и весьма аргументировано – была раскритикована концепция «древнерусской народности» [14, 15]. Украинская историография, развивая идеи Грушевского, стала настаивать на радикальном размежевании истории IX-XII вв., разделяя «Русь –Украину» и северо-восточные княжества как родину будущей Московии. Белоруссия разрабатывала параллельно две концепции: Полоцкой Руси или Великого княжества Литовского и Русского как исторических предшественников белорусского государства.

Таким образом, в национальных историографиях происходило или присвоение древнерусского периода и выведение за его скобки России, или поиск альтернатив политогенеза вне древнерусского поля. Ситуация усугублялась очевидным противоречием: украинская и белорусская историографии развивались как историографии национальные, направленные на создание «своих историй», своего народа и государства. Российская же продолжала развиваться в традиционном ключе, фактически по прежней трехчастной схеме, в которой древнерусский (киевский) период был основополагающим для русского народа и государства, а его история понималась как составная часть прошлого всей территории бывшей Российской империи и постсоветского пространства. Таким образом, одни и те же сюжеты, в том числе и по древнерусскому периоду, получали разную трактовку и вписывались в противоположные схемы, были нацелены на обслуживание различных политических и национальных дискурсов.

Проблему соотношения историографической традиции и обновлен-

ных национально-ориентированных историографий усложнило появление новых подходов в изучении этногенеза, в частности, конструктивизма. Концепция древнерусской народности была промордиалистской, и, в этом качестве, обосновывала автохтонность и древность «народности» как предка русских, украинцев и белорусов. Сегодня трендом историко-генетических штудий выступает конструктивизм, который совсем иначе ставит вопрос о времени возникновения и путях развития этнокультурных общностей и раннемодерных наций в Восточной Европе. Сегодня очевидно, что складывание раннемодерных наций у русских, украинцев и белорусов шло разными путями [16]. Необходимо переосмыслить роль в этом процессе древнерусского периода.

Переосмысление роли древнерусского периода сейчас идет, но приобретает самые разные формы. В российской историографии некоторое развитие получил в последние годы «ладожский миф», развитие тезиса о первой столице Руси – Старой Ладоги – которая была раньше Киева [4]. Надо сказать, что эта концепция возникла еще в 1970-е гг. среди ленинградских археологов, но сегодня получила новое звучание [8, с. 5–11; 10, с. 117–126].

Среди украинских историков надо выделить исследования А. П. Толчко, направленные на демистификацию истории Древней Руси [11, 12, 13]. В частности, мифом объявляются летописные племена (которые летописец «сочинил» по образцу библейских), Древнерусское государство – не государством, а факторией по образцу североамериканских, Краткая редакция «Правды Русской» – не первым законодательным памятником Руси, а поздним «конспектом» Пространной правды, сделанном в XV в. К тому же, «демистификационному» направлению в российской историографии можно отнести работы И. Н. Данилевского [3], который также пересматривает целый ряд «древнерусских» мифов и предлагает их новую трактовку. Сам по себе пересмотр устаревших историографических стереотипов можно только приветствовать, но в результате получается вместо истории основ, истоков стран и народов Восточной Европы «большой историографический миф», развенчанный современными учеными. Такие сплошные легенды и мифы вместо истории не могут лежать в основе национальных исторических концепций этно- и политогенеза, и демистификация вольно или невольно способствует этому.

Таким образом, сегодня в академическом дискурсе назрел серьезный пересмотр места роли древнерусского периода в истории Восточной Европы. И сегодня не существует конвенциональных новых концепций, кроме

демистификации, которая, конечно, опровергает существующие исторические мифы, но не создает нового повествовательного нарратива, на основе которого можно было бы писать новые учебники, создавать музеи и т.д. Национальные же исторические нарративы сегодня сильно зависят от презентизма и носят скорей конфронтационный характер.

Диффузия академического дискурса в отношении Киевской Руси называется и на оценке этого периода в культуре. Они интенсивно развиваются, но в отрыве от научного дискурса и в зависимости от политического презентизма (коммеморации в честь Украины-Руси, мобилизация средневековых образов в Белоруссии как источник «белорусской нации» и т.д.). Роль науки в формировании культурных дискурсов на постсоветском пространстве сегодня значительно упала. Это связано не только с политической ситуацией, но и с тем, что наука сегодня пока не предложила новых фундаментальных концепций, которые получили бы признание и в научном мире, и в обществе, и получили бы отражение в образовательной и культурной практике.

1. Афиани, В.Ю. Н.М. Карамзин: «первый наш историк и последний летописец» / В.Ю. Афиани // *Историография истории России*. – Москва, 2013. – С. 93–105.
2. Грушевский, М. Обычная схема «русской» истории и вопрос рационального упорядочения истории восточного славянства / М. Грушевский // *Форум: Общественно-политический журнал*. – Мюнхен, 1987. Вып. 17. С. 162–171.
3. Данилевский, И.И. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов / И.И. Данилевский. М.: Аспект Пресс, 1998. – 399 с.
4. Кирпичников, А.Н. Старая Ладога. Древняя столица Руси / А.Н. Кирпичников, В.Д. Сарабьянов Санкт-Петербург: Славия, 2010. – 210 с
5. Лебедева, Ю.А. Термин «Русь» и его толкование учеными государственной школы украинской историографии / Ю.А. Лебедева // *Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України*. 2013. № 4 (68). С. 90–97.
6. Мавродин, В.В. Образование древнерусского государства / В.В. Мавродин. – Ленинград: Изд-во Ленинградского Гос. Университета, 1945. – 430 с.
7. Мавродин, В.В. Происхождение русского народа / В.В. Мавродин. – Ленинград: Изд-во Ленинградского Гос. Университета, 1978. – 184 с.
8. Мачинский, Д.А. 1250-летие зарождения русской государственности и 300-летие возникновения Российской империи / Д.А. Мачинский // *Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: Седьмые чтения памяти Анны Мачинской: Сборник статей*. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 5–11.
9. Парсамов, В.С. Карамзин и формирование исторической культуры в России: к проблеме «историк и аудитория» / В.С. Парсамов // *Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом*. – Москва, 2012. – С. 219–234.
10. Селин, А.А. Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет / А.А. Селин // *Studia slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1. С. 117–126.
11. Толочко, А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке / А.П. Толочко. – Киев:

Laurus, 2012. – 256 с.

12. Толочко, А.П. Краткая редакция «Правды русской»: происхождение текста / А.П. Толочко. – Киев: Институт історії України НАН України, 2009. – 136 с.

13. Толочко, А.П. Очерки начальной Руси / А.П. Толочко. – Киев; Санкт-Петербург: Лаурус, 2015. – 336 с.

14. Толочко, П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная / П.П. Толочко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. – 218 с.

15. Юсова, Н.Н. Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті – перша половина 1940-х рр.) / Н.Н. Юсова. – Київ: Стилос, 2006. – 619 с.

16. Plokhy, S. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus / S. Plokhy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 379 p.